

Николай Стэф

Спящие боги 2
Тень

Николай Стэф

Спящие боги 2 Тень

<https://litres.ru/74094541>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет прошло с того дня, как Клин и Ольга бежали из горящей базы 17, оставив за спиной смерть Тени и Прова. Их изгнали из поселения, как неудачников, принёсших лишь беду. Они нашли приют в маленькой деревушке среди скал, где Клин снова стал искателем — читателем памяти, собирающим обломки прошлого. Но нейроядро, которое он тайно прихватил с собой, не даёт покоя. Оно пульсирует, храня секреты, способные изменить мир.

Тем временем в недрах базы 17 просыпается нечто древнее и злое. Разумный грибок, питающийся технологиями и плотью, захватывает тело Тени, превращая её в инструмент своей воли. Двадцать Легионеров-7 и гигантский дроид «Колосс» — вот новая армия, готовая стереть с лица земли всех, кто посмеет встать на пути.

Но есть и те, кто способен дать отпор. «Собиратели технологий» — загадочный отряд, сохранивший знания довоенного мира, — приходят к Клину с предложением, от которого нельзя отказаться. Им нужен ключ к нейроядру.

Ставка — выживание всего, что осталось от человечества.

Николай Стэф

Спящие боги 2 Тень

Глава 1

Огромный камень откатился в сторону с таким скрежежом, будто сама земля раздирала горло, открывая чёрный зев базы №17. Звук был низким, протяжным — словно стон пробуждающегося чудовища, которое спало сотню лет и теперь просыпалось, потягиваясь, разминая каменные суставы. Камни осыпались по склону, поднимая клубы пыли, которая долго висела в неподвижном воздухе пустыни, не желая оседать, будто сама боялась того, что выйдет наружу. Воздух был тяжёлым, спрессованным жарой и радиацией, и каждый звук в нём звучал приглушённо, как под водой. Стеклопанная крошка переливалась в лучах заходящего солнца, создавая иллюзию драгоценных камней, но это была смерть — мельчайшая, невидимая, проникающая в лёгкие, оседающая на коже, въедающаяся в глаза. Тишина стояла такая глубокая, что казалось, сама пустыня затаила дыхание, ожидая, кто или что выйдет из этой каменной пасти.

Из чёрного проёма, пахнущего гарью — запахом древнего пожара, который не выветрился за десятилетия, — выступил Легионер-7. Его массивная фигура на мгновение замерла на пороге, словно оценивая обстановку, сканируя гори-

зонт холодными, бесстрастными сенсорами. Броня была покрыта слоем радиоактивной пыли — она осела плотным серым налётом, местами смешавшись с копотью и сажой, создавая эффект старой, потрескавшейся краски. В сочленениях корпуса застряли мелкие осколки — не только камней, но и чего-то более хрупкого, напоминающего фрагменты костей тех, кто не выжил при последнем взрыве замуровавшим вход на базу №17. Трещины на броне разбегались паутиной, некоторые были глубокими, почти сквозными, обнажая внутреннюю проводку и гидравлические трубки. Из одной такой трещины, на левом плече, сочилась маслянистая жидкость — старая, тёмная, похожая на запёкшуюся кровь. Она капала на песок, оставляя чёрные пятна, которые тут же впитывались в раскалённую землю.

Легионер стоял на пороге между светом и тьмой, и в этом контрасте было что-то зловещее, почти мистическое. Его правая рука, та, на которой когда-то был встроенный лазерный резак, была согнута под неестественным углом — сустав был повреждён, и манипулятор двигался с лёгким заеданием, издавая тихий прерывистый скрип. Левая рука, напротив, выглядела почти целой — только несколько царапин на защитных пластинах. Походка робота, когда он сделал первый шаг, была неровной — правая нога слегка волочилась, оставляя на песке неглубокую борозду, словно уставший путник, который тащит за собой тяжесть прошлого. Но даже в этом повреждённом состоянии Легионер-7 внушал

ужас — двадцать тонн брони, гидравлики и стали, движущихся с неумолимой механической точностью. Он был одним из первых Легионеров, которых удалось пробудить и перепрограммировать новому хозяину.

Оптические сенсоры робота тускло мерцали алым светом — не ярко, как раньше, а словно тлеющие угли, которые догорают в кострище, но ещё хранят достаточно тепла, чтобы обжечь. Они прочёсывали выжженную пустыню, сканируя пространство в поисках любого источника органического тепла. Инфракрасный спектр, повреждённый, но всё ещё частично рабочий, выхватывал из темноты только миражи: дрожащие линии горизонта, иллюзорные озёра, которые манили иссушенных путников в ловушку, призрачные силуэты, исчезающие при приближении. Пустыня была мертва — ни движения, ни жизни, только песок и ветер. Даже мутировавшие крысы, те живучие твари, что обитали под обломками старых городов, избегали этой зоны — слишком высокая радиация, слишком много смерти, слишком много молчания.

Сенсоры Легионера работали на пределе своих возможностей. Он улавливал колебания воздуха, вибрации земли, даже слабые электромагнитные импульсы, которые излучала старая техника, погребённая под тоннами песка. Но органики не было. Вообще никакой. Только пустота. Процессоры робота анализировали данные, сравнивали с архивами и выдавали один и тот же результат: цель не обнаружена. Но приказ был выполнен — он должен был найти тело, и он его

найдёт. Система не знала сомнений, не знала усталости, не знала страха. Она просто выполняла. Снова и снова. До тех пор, пока не будет достигнут результат.

Ветер, горячий как дыхание печи, поднимал стеклянную крошку — остатки оплавленного песка, превратившегося в острые кристаллы за сотни лет радиационного воздействия. Она звенела о корпус робота, словно рой насекомых, бьющихся о броню в безнадёжной попытке пробить её. Легионер двинулся вперёд — тяжёлые шаги оставляли глубокие следы в рыхлом песке, которые сразу же начинали заполняться пылью, будто пустыня спешила стереть его присутствие. Каждый шаг сопровождался скрежетом проржавевших суставов, шипением гидравлики, выпускающей застоявшуюся жидкость, и тихим гулом реактора, который работал на минимальной мощности, экономя остатки энергии.

Его путь лежал к одинокому холмику, увенчанному покосившимся крестом.

Тот был сделан из двух ржавых пластин, скреплённых между собой проржавевшими болтами. Кто-то — Клин, Легионер не знал этого имени, но его сенсоры зафиксировали следы человеческих пальцев на металле, — сбил эти пластины вместе, наспех, но с болью, которую даже время не стёрло. Металл потемнел от времени, покрылся рыжими разводами коррозии и соляными пятнами, которые ветер принёс из далёких солончаков. На кресте не было надписи — ни имени, ни даты, ни слов прощания. Только пустота, как и во всей

этой пустыне.

Крест стоял неровно, слегка наклонившись в сторону, словно вот-вот упадёт, но держался каким-то чудом. Основание его было засыпано мелкими камнями, которые кто-то наложил поверх холмика, чтобы защитить могилу от животных и ветра. Вокруг креста росла колючая трава — жёсткая, серая, с металлическим отблеском, — единственное, что соглашалось расти в этой проклятой земле.

Это было единственное напоминание о том, что здесь когда-то был человек.

Легионер остановился у подножия холмика. Его сенсоры работали, собирая данные, анализируя, сравнивая. Сканер зафиксировал останки под землёй, и система начала обработку информации с механической точностью, которая не оставляла места для сомнений или эмоций:

глубина захоронения: 0,8 метра;

биоматериал частично сохранился, несмотря на высокую температуру и радиационный фон;

степень разложения: умеренная (ткани высушены, но не полностью истлели);

структура костной ткани: хрупкая, но целая;

пригодность для задачи: удовлетворительная.

Удовлетворительная. Приказ был выполнен. Легионер не задумывался о том, чьё это тело лежит здесь, кто похоронил его, почему крест стоит под таким странным углом. Для него это был просто объект, ресурс, материал для выполнения за-

дачи. Он опустился на колени — движение было медленным, неестественным для двадцатитонной машины, — и его механические руки начали работать.

Пальцы-лопатки, широкие и прочные, начали методично разгребать спекшуюся землю. Они царапали камни, выворачивали комья засохшей глины, отбрасывали в сторону мелкие обломки. Пыль поднялась в воздух, забиваясь в механизмы, оседая на линзах сенсоров, смешиваясь с остатками смазки, которая сочилась из трещин. Но робот не обращал на это внимания — он был машиной, созданной для одной цели: выполнять приказы. Любой ценой.

Земля была твёрдой, спрессованной годами солнца и ветра, и Легионеру пришлось приложить усилие, чтобы пробить верхний слой. Гидравлика шипела, сервоприводы гудели, пальцы сжимались и разжимались в ритме, напоминающем биение механического сердца. Робот копал с пугающей аккуратностью — не как экскаватор, а как археолог, который знает, что под слоем пыли скрывается что-то ценное. Он не торопился, не нервничал, не сомневался. Он просто делал свою работу.

Когда его пальцы коснулись истлевшей ткани комбинезона, движения стали аккуратнее. Почти нежно, насколько это было возможно для механической конструкции, Легионер извлёк останки наружу, очищая их от земли, словно врач, который бережно освобождает рану от застрявших осколков.

Это было тело девушки, умершей от радиации не так дав-

но. Клин называл её Тень.

Ткань комбинезона — когда-то тёмно-серого, почти чёрного, — частично истлела, обнажая участки кожи, потемневшей от времени и высохшей до состояния старого пергамента. Волосы, когда-то тёмные и густые, теперь были покрыты слоем песка и пыли, слипшиеся в неровные пряди, которые свисали с черепа, как сухие водоросли. Лицо сохранило черты — тонкие, почти детские, с лёгким изгибом губ, застывшим в последнем вздохе. Это был тот самый изгиб, который Клин запомнил навсегда, — улыбка, сказанная ему перед смертью.

Веки были закрыты, и под ними угадывались впадины глазниц. Кожа вокруг глаз была натянутой, почти прозрачной, с сеточкой мелких трещин. На правой скуле виднелся старый шрам — узкий, белесый, который она получила ещё в детстве, когда лазала по свалкам. На шее — цепочка с маленьким металлическим кулоном, потемневшим от времени. Рядом с телом, присыпанное землёй, лежал нож, её верный спутник, который она всегда носила с собой, — лезвие было покрыто коркой ржавчины, но всё ещё хранило форму.

Легионер поднял тело над головой, держа его с той же точностью, с какой держал бы любой другой объект — без жалости, без почтения, без любви. Его металлические пальцы обхватили хрупкие плечи, и на мгновение в этом жесте была видна жуткая пародия на нежность. Затем он развернулся и зашагал обратно к базе, неся свою ношу как трофей — или

как приношение.

Его шаги отдавались глухим стуком по камням, а цепочка следов, оставленная в песке, тут же заметалась ветром — будто сама пустыня стирала следы его присутствия. Солнце опускалось ниже, окрашивая небо в густые багровые тона, похожие на старую кровь. Тени удлинялись, превращаясь в чёрные пальцы, которые тянулись к роботу, но не могли достать его.

Легионер шёл обратно, и его ноша казалась почти лёгкой — двадцать тонн стали несли тело, которое весило не больше пятидесяти килограммов, с той же чёткой, размеренной походкой. Ветер выл в проломах его брони, создавая жуткую мелодию, которая звучала как плач по всему, что было потеряно. Стекло крошка била в лицо мёртвой девушки, но она не чувствовала ничего.

База №17 снова поглотила своего посланника, и огромный камень медленно вернулся на место, запечатывая вход. Скрежет гранита о гранит разнёсся эхом по пустыне, стихая, угасая, исчезая в тишине. Пыль осела на место, скрывая следы, и пустыня снова стала пустой — только стеклянная крошка переливалась на закате, как слезы забытого бога.

Внутри, в глубине комплекса, где ещё теплилась жизнь машин, начался новый процесс. Грибок, выживший в теле мумии командира, уже подготовил почву для новой хозяйки. Он ждал. Он знал, что скоро Хозяин обретёт новое тело — более свежее, более гибкое, более живое. Споры прорастали

в ткани девушки, соединяя её с системами базы, восстанавливая то, что было разрушено временем.

Глава 2

Пять лет прошло с того дня, когда Клин и Ольга оставили за спиной дымящиеся руины базы №17.

Пять лет. Клин перестал считать дни где-то на втором году, когда понял, что время в пустыне течёт иначе — не по часам и календарям, а по числу песчаных бурь и закатов, которые окрашивали небо в цвета старой крови. Но воспоминания о Тени всё ещё жгли сердце острее, чем стеклянная пыль, попавшая в лёгкие. Он часто видел её во сне — улыбающуюся, с глазами, полными той дикой, нестигаемой надежды, которую не могли убить ни пустыня, ни радиация, ни смерть.

«Я вижу восход...» — шептала она в его снах, и Клин просыпался с мокрым лицом и солёным привкусом на губах.

Он не знал, что сказала Тень перед смертью на самом деле. Может быть, она говорила о чём-то другом — о пустыне, о небе, о том, как хорошо быть живой. Но его память, упрямая и жестокая, настаивала на своём: «Я вижу восход...» И он верил. Потому что Тень всегда видела то, чего не видели другие. И потому что ему нужно было во что-то верить.

Пров погиб в тот же день, когда Клин, закованный в «Голиафа», вступил в последний бой с Легионером 7. Старик не

хотел умирать — но умер. Взрыв реактора.

«Живите, — сказал Пров перед тем, как исчезнуть в огненном вихре. — Живите за нас. За всех, кто не сможет».

Клин не слышал этих слов, но ему казалось, что старик именно так и сказал перед тем, как исчезнуть навсегда, по крайней мере ему так подсказывали сны.

Клин жил. Ольга жила. Но цена была слишком высока.

В родное поселение их встретили не хлебом и солью, а холодным молчанием и опущенными глазами.

Клин шёл по центральной улице, чувствуя, как взгляды людей впиваются в спину, как иглы. Они не кричали, не обвиняли — они просто молчали. И это молчание было хуже любых слов. В нём было разочарование. Обида. И страх.

Они ждали чуда, — понял Клин. — Технологий. Припасов. Спасения от голода и радиации.

Они смотрели на него — на его пустые руки, на его осунувшееся лицо, на его глаза, в которых больше не было того огня, что горел пять лет назад. И не видели ничего. Только пустоту.

Клин принёс лишь смерть. Пров погиб. Тень умерла у него на руках. А те немногие артефакты, что он успел вынести с базы, были либо сломаны, либо бесполезны без энергии, которую он не мог дать.

Он нёс в кармане только нейроядро — кусок чужого разума, который он незаметно прихватил с собой, когда бежал. Но он не знал, что с ним делать. И не знал, стоит ли кому-то

рассказывать о нём.

«Вы принесли беду», — скажут они. — «Где бы вы ни появлялись, смерть идёт следом».

И они будут правы. Потому что смерть действительно шла за ними следом. И сейчас она стояла у ворот поселения, готовая войти в любой момент.

Толпа собралась на центральной площади — все, кто мог ходить.

Клин снова стоял в центре того круга, где его судили в прошлый раз, чувствуя, как его со всех сторон окружают люди. Женщины с осунувшимися лицами — те, кто потерял мужей, сыновей, братьев. Дети с глазами старше своих лет — они смотрели на него без любопытства, без надежды, только с настороженностью и страхом. Мужчины с оружием на поясах — те, кто готов был защищать своё, даже если для этого нужно было убить тех, кого когда-то считали своими.

В первых рядах стояли старейшины трёх поселений. Седые, с морщинами, избороздившими лица, как трещины в пересохшей земле. Их глаза были прищурены, губы сжаты в тонкие линии. Они смотрели на Клина и Ольгу, как смотрят на заразу, которую нужно выжечь, прежде чем она распространится.

Клин узнал их всех. Вот старейшина Марк — тот, кто когда-то учил его читать старые карты. Вот старейшина Елена — та, что лечила его, когда он заболел стеклянной астмой. Вот старейшина Дорн — тот, кто продал ему первый насто-

ящий инструмент для чтения дисков.

Они все смотрели на него. И в их взглядах не было ничего, кроме осуждения.

Совет старейшин вынес свой вердикт.

Старик с крючковатым носом и глазами-щелками — его звали Корвус, и он был самым старым, самым мудрым и самым жестоким из всех — вышел вперёд. В руках он держал листок бумаги — старый, пожелтевший, с выцветшими буквами. Клин знал этот листок. На нём были записаны законы поселений — те самые, по которым судили преступников и изгоняли чужаков.

Корвус развернул листок и начал читать. Его голос звучал сухо, словно шелест сухих листьев, которые ветер гонит по пустыне:

— За провал миссии, за гибель товарищей и отсутствие результатов, за то, что ты вернулся один, когда другие остались там... — он поднял глаза от листка и посмотрел на Клина. В его взгляде не было ни гнева, ни злобы — только ледяное спокойствие. — Ты, Клин, и ты, Ольга, изгоняетесь из поселения.

Слова отдавались в ушах Клина звоном монет. Так когда-то звенели награды за удачные вылазки. Так когда-то обещали почёт и уважение. Теперь этот звон означал конец.

Клин стоял, слушая приговор, и чувствовал, как в кармане его куртки тяжелеет нейроядро. Маленький, размером с кулак, металлический квадрат, покрытый едва заметными ли-

ниями — трещинами или узорами, Клин так и не понял. Он сжал его пальцами, чувствуя через ткань лёгкую вибрацию, словно внутри билось живое сердце.

Нейроядро пульсировало едва уловимо, в такт его собственному пульсу. Оно грело ладонь — не жарко, но ощутимо, будто маленькое живое существо, которое пряталось в темноте кармана и ждало своего часа.

«Что ты такое?» — думал Клин, сжимая его. — «И зачем я тебя взял?»

Он не знал ответа. Но чувствовал — это не случайно. Нейроядро выбрало его. Или он выбрал нейроядро. И теперь они были связаны.

Ольга шагнула вперёд, заслоня Клина собой. Её голос был резким, как удар хлыста:

— Но мы же остановили пробуждение! — выкрикнула она. — Мы спасли всех! Если бы не мы, армия Легионеров вышла бы в пустыню!

Толпа загудела. Кто-то закивал — может быть, соглашась, а может быть просто потому, что не знал, как реагировать. Но старейшины молчали. И их молчание было громче любых слов.

Старейшина Корвус поднял руку, прерывая её. Его голос звучал спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась сталь:

— Вы принесли беду. Где бы вы ни появлялись, смерть идёт следом. Мы не хотим, чтобы она пришла и к нам.

Клин хотел возразить. Хотел сказать им, что они ошибаются. Что он остановил Легионера, что он спас их всех, что он...

Он не сказал ничего. Потому что понял: они уже решили. И никакие слова не изменят их решения.

Ольга повернулась к нему. Её глаза — серые, усталые, но всё ещё живые — смотрели на него с вопросом. Она ждала его реакции. Ждала, что он скажет что-то, что переломит ситуацию.

Он ничего не сказал. Просто взял её за руку.

Она сжала его ладонь своей — сухой и горячей. Клин почувствовал, как её пальцы дрожат — то ли от усталости, то ли от гнева. Но она не сказала больше ни слова. Просто кивнула, показывая, что готова идти. Готова принять изгнание. Готова начать всё сначала.

Они развернулись и пошли к выходу.

Они ушли в пустыню вдвоём, не оглядываясь.

Клин знал, что если оглянется — увидит то, что не сможет забыть. Увидит знакомые дома с заплатами из кожи и металла, которые он помнил с детства. Увидит детей, которые смотрели им вслед с любопытством и страхом — теми самыми глазами, в которых уже не было детства. Увидит женщин, задёргивающих занавески на окнах, будто прячась от них.

Он шёл, глядя вперёд, на бескрайнюю пустыню, которая расстилалась перед ним, как чистый лист. Ветер гнал по песку стеклянную крошку, и она скрипела под ногами, напоми-

ная, что мир вокруг — не друг, не враг, а просто место, где нужно выживать.

Ольга шла рядом, не отставая. Её шаги были твёрдыми, несмотря на усталость. Она не смотрела назад. Клин знал, что она тоже боится оглянуться. Боится увидеть тех, кто когда-то был её семьёй, а теперь стал чужим.

Солнце палило нещадно. Песок хрустел под ногами, воздух дрожал над горизонтом, создавая миражи — то озёра с чистой водой, то зелёные оазисы, которые исчезали, стоило подойти ближе. Клин шёл, глядя вперёд, и думал о том, что даже изгнание лучше, чем остаться среди тех, кто видит в тебе лишь неудачника.

Он смотрел на горизонт, где дрожал воздух, и знал: где-то там, в песках, есть место, где можно начать всё сначала.

Но в глубине души он понимал, что прошлое — это тень, которая всегда идёт за тобой по пятам. Образ Тени, её последние слова, крик Прова, заглушённый взрывом, — всё это было с ним, как и нейроядро в кармане.

Он сжал этот кубик в руке. Тот пульсировал — слабо, но отчётливо. Как напоминание.

Они брели долго — день, другой, третий.

Вода заканчивалась. Клин проверял фляги каждое утро, и каждое утро их становилось всё меньше. Кожа трескалась от солнца, губы покрывались коркой, которая трескалась и кровоточила, когда он пытался говорить. Но он шёл. И Ольга шла рядом — молча, иногда поглядывая на него, проверяя,

не отстал ли, не упал ли.

Клин знал, что она не жалеет о решении уйти. Она никогда не жалела о своих выборах. Это было одной из тех вещей, которые он любил в ней, хотя никогда не говорил об этом вслух.

Он думал о том, сколько раз они могли умереть. Сколько раз смерть смотрела им в глаза, и они отводили взгляд. Сколько раз они теряли тех, кто был им дорог.

«Ты сильный», — сказала бы Тень, если бы была здесь. — «Сильнее, чем думаешь».

Но Клину не чувствовал себя сильным. Он чувствовал только усталость. И то, как нейроядро пульсирует в кармане, напоминая, что история ещё не закончена.

На четвёртый день они наткнулись на небольшое поселение.

Оно пряталось в низине между барханами, укрытое от ветров и чужих глаз. Клину заметил его не сразу — сначала он увидел только тени, которые дрожали в мареве, и подумал, что это очередной мираж. Но Ольга тронула его за плечо и указала вперёд:

— Смотри. Это не мираж.

Они подошли ближе. Несколько домов из камня и обломков техники — старых, ржавых, но крепких. Пара антенн, которые торчали из крыш, как сухие пальцы, тянущиеся к небу. Колодец с ржавой цепью, вокруг которого была утоптана земля — значит, воду здесь ещё можно было найти.

У ворот стоял одинокий страж — подросток с самодельным копьём, наконечник которого был сделан из осколка стекла. Он заметил их издали и вскинул оружие, когда они подошли на расстояние крика.

— Кто вы? — крикнул он. Голос его дрожал — он боялся, но старался не показывать этого.

Клин поднял руки, показывая, что не вооружён. Ольга сделала то же самое.

— Мы не враги, — сказал Клин. — Ищем место, где можно остаться.

Страж оглядел их — грязные, измождённые, с пустыми флягами на поясах и потрескавшимися губами. Они выглядели не как враги, а как люди, которые уже почти проиграли битву с пустыней.

Подросток опустил копьё. Не сразу, но опустил.

— У нас мало места и еды, — сказал он. — Но, если умеете работать, можете попробовать.

Ольга улыбнулась — впервые за много дней.

Улыбка была слабой, почти незаметной, но она была. В ней не было радости — только облегчение. Только надежда.

— Умеем, — сказала она. — И многому можем научить.

Клин кивнул, соглашаясь. Он посмотрел на Ольгу, на поселение перед ними, затем — на горизонт, где пустыня сливалась с небом.

Где-то там, под толщей песка, лежала база №17, а в ней — что-то, что не давало ему покоя. Нейроядро в кармане слегка

вibriровало, будто отвечая на его мысли.

«Начало», — подумал он. — «Или продолжение?»

Он не знал. Но чувствовал: это ещё не конец.

Они вошли в поселение, и страж закрыл за ними ворота. Ветер тут же заметал их следы на песке — как будто их здесь никогда и не было.

Клин шёл по узкой улочке, сжимая в кармане пульсирующее нейроядро, и знал: это только начало.

Где-то впереди, за горизонтом, ждало что-то новое. Или старое. Или то, что было между ними.

Он не знал, что именно. Но был готов узнать.

Глава 3

Поселение, где обосновались Кли́н и Ольга, было маленьким, затерянным среди скал, но оно казалось крепостью по сравнению с открытой пустыней, где ветер съедает плоть, превращая кожу в наждачную бумагу, а глаза — в сухие, потрескавшиеся шарики, которые уже не могут плакать.

Здесь, среди серых базальтовых глыб, ветер был слабее, а солнце — чуть менее беспощадным. Воздух всё равно был полон пыли и радиации, но хотя бы не резал горло, как битое стекло. Местные называли это место Долиной Убежища — не потому, что здесь было хорошо, а потому, что хуже уже некуда.

Тут жило не более тридцати человек — разных возрастов,

но одинаково измождённых. Несколько стариков с выцветшими глазами, которые уже ничего не видели, но помнили всё — как выглядела трава, как пах дождь, как звучал смех детей. Их было четверо, и они сидели у колодца по утрам, грея старые кости на солнце, и перебирали в памяти давно ушедшие дни.

Десяток крепких мужчин следили за порядком — они патрулировали окрестности, охраняли колодец и проверяли, не подбираются ли к поселению мародёры или, что ещё хуже, Жнецы. Их лица были обветренными, руки — в мозолях, глаза — настороженными. Они не улыбались. В этом мире никто не улыбался, если не было повода.

Женщины занимались хозяйством — готовили, стирали, штопали, ухаживали за детьми и за теми немногими животными, что уцелели после войны. Козы с мутировавшими рогами, пара кур с тремя ногами, которую держали ради яиц — странных, с красноватой скорлупой, но съедобных.

Дети — шустрые, как ящерицы, привыкшие к жаре и скудной пище. Они бегали между камнями, играли в войну — ту самую, которую никогда не видели, но о которой слышали от стариков. Их лица были грязными, глаза — живыми, но в них уже не было той беззаботности, которая бывает у детей в других мирах. Эти дети знали, что такое голод. И что такое страх.

Клин смотрел на них и думал: они не виноваты. Они просто родились не в том месте. И не в то время.

Дома здесь строили из того, что удавалось найти. Обломков старой техники, ржавых листов металла, камней, скреплённых глиной, которая трескалась под солнцем и требовала ремонта каждую весну. Некоторые хижины были настолько старыми, что, казалось, держатся только на честном слове и на упрямстве их обитателей.

В центре поселения находился общий колодец — глубокий, с тёмной водой на дне, которую пили, фильтруя через самодельные угольные фильтры. Его охраняли днём и ночью — ведь вода была дороже золота. В пустыне воду не продают и не меняют. Её отнимают. Или умирают, пытаясь отнять.

У входа в поселение висели сушёные травы и кости животных — обереги от злых духов пустыни. Клин не верил в духов, но не спорил с местными. В мире, где каждый день может стать последним, вера — это единственное, что остаётся у людей. Даже если эта вера — в высушенные корни и позвонки мутировавшей ящерицы.

Он смотрел на эти обереги и думал о том, что настоящие злые духи не прячутся за барханами. Они прячутся внутри людей. В их жадности. В их страхе. В их готовности убить за глоток воды.

Клин вернулся к своей первоначальной профессии — читателя памяти. Только здесь её называли иначе. Искатель.

Недалеко от поселения лежал разрушенный войной городок. Когда-то здесь кипела жизнь — наверное, это был торговый пост или маленький научный центр. Теперь остались

лишь руины зданий, покрытые песком и пеплом. Стены, которые когда-то были белыми, стали серыми, покрылись трещинами и соляными разводами. Внутри было пусто — только ветер гулял по коридорам, поднимая облака пыли.

Местные жители не решались ходить туда. Боялись радиации — и правильно делали, потому что счётчики на входе в городок до сих пор трещали, предупреждая об опасности. Боялись ловушек — тех, что остались от войны, и тех, что могли поставить мародёры. Боялись призраков прошлого — хотя Клин не знал, чего можно бояться в мире, где всё прошлое было одним сплошным призраком.

Но Клин знал эти места лучше других.

Он пробирался между развалинами, осторожно ступая по осыпающимся плитам, проверяя каждый шаг, чтобы не провалиться в подвал или не задеть мину, оставшуюся от той войны. В заброшенных офисах он находил пожелтевшие документы — их потом можно было продать как историческую ценность или просто использовать для розжига. В складах — уцелевшие инструменты, старые, но ещё рабочие. В лабораториях — фрагменты электроники, микросхемы, датчики, которые можно было восстановить и продать торговцам.

Среди местных не было таких толковых искателей. Они предпочитали охотиться на мелких животных или собирать съедобные кактусы — те, что росли в пустыне и давали хоть немного влаги. Рисковать жизнью ради старых железяк? Нет, это было не для них.

Но Клин рисковал. Потому что другого способа выжить у него не было.

Каждый раз, возвращаясь с добычей, Клин видел, как загораются глаза у поселенцев. Они смотрели на его находки с уважением — даже если не понимали, что это такое. Для них микросхема была просто куском пластика с золотыми полосками, а старый датчик — блестящей безделушкой. Но они видели, что Клин приносит что-то, что можно обменять на воду и еду. И это было главным.

Они кивали ему, иногда здоровались коротким словом. Но Клин знал: они не понимают его. И никогда не поймут.

Найденные артефакты Клин продавал в другом поселении — не большом, но лежащем на торговом пути. Местные называли его Рынком Ветров, потому что ветер здесь дул всегда, без остановки, разнося запахи специй, пота и старого металла.

Рынок был скромным. Несколько палаток из грубой ткани, пара столов с разложенным товаром. Запах пота и специй висел в воздухе, смешиваясь с запахом горелого жира — кто-то жарил мясо мутировавшей ящерицы, и запах разносился на полкилометра.

Торговцы охотно скупали всё, что находил Клин. Старые микросхемы, датчики, фрагменты коммуникационного оборудования — всё это можно было использовать для ремонта старых машин или для создания новых. Платили мало, но этого хватало, чтобы жить вместе с Ольгой. Покупать воду

— самую дорогую вещь в пустыне. Крупы — чтобы сварить похлёбку. Ткани для починки одежды — вечной работы, потому что пустыня не щадила никого.

Иногда торговцы приносили новости. Клин ловил каждое слово, впитывал их, как губка, потому что в пустыне новости были единственной связью с миром.

— Слыхали про Собирателей технологий? — как-то сказал седой купец, взвешивая очередную находку Клина. Он был старым, с морщинистым лицом и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться. — Коротко их племя называют СОБР.

Клин насторожился. Он слышал это название раньше — обрывки разговоров, сплетни, слухи. Но никогда — от торговца, который знал больше других.

— Они говорят, что племя на западе вышло из тени, — продолжал купец, пересыпая сушёное мясо в мешок. — Нашли старый бункер, вытащили оттуда оружие, способное испепелить целый город. Их вожак с каждым днём становится всё могущественнее.

Клин сжал в кармане нейроядро. Оно было квадратным — около десяти сантиметров, с гладкими металлическими гранями и несколькими контактами на одной стороне. Он чувствовал, как оно вибрирует в ответ на его мысли, как отвечает на его вопросы.

— Что ещё говорят? — спросил Клин, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Говорят, они не просто грабят, — ответил купец. — Они ищут технологии, которые помогут им стать сильнее. Старые бункеры, военные склады, лаборатории. Всё, что может дать им преимущество.

Он помолчал, потом добавил:

— Говорят, СОБР уже несколько раз сталкивались с западным племенем. И каждый раз выходили победителями.

— СОБР? — переспросила Ольга, стоявшая рядом. — Я слышала это название. Но думала, это просто легенда.

— Легенды иногда становятся реальностью, — ответил купец. — Особенно в пустыне.

Клин задумался.

— А что, если они придут сюда?

— Тогда бегите, — сказал купец. — Западное племя никого не жалеет. Они вообще боготворят культ смерти.

Он помолчал, потом добавил:

— Только СОБР, возможно, сможет дать им отпор. Но это только слухи. СОБР уже давно никто не видел. Так что, возможно, и врут.

Клин снова вспомнил о нейроядре.

Если я разгадаю его тайну, — подумал он, — то смогу дать отпор...

Но пока он был просто больным человеком в глуши, который боялся, что не успеет сделать это вовремя.

Они с Ольгой жили в хижине, сделанной из обшивки старого грузовика.

Клин нашёл её в руинах того самого городка — грузовик стоял у обочины, вросший в землю, с проржавевшим кузовом. Он снял обшивку, перетащил в поселение, собрал — и получилось убежище. Стены потрескались, но держали тепло ночью и спасали от палящего солнца днём.

Внутри было немного вещей. Топчан — набитый сухой травой, покрытый старой тканью, которую Ольга стирала так часто, что она уже почти превратилась в лохмотья. Пара ящиков для хранения — в них лежали остатки еды, инструменты, немного одежды. Самодельная лампа на коптилке — она горела слабо, но давала достаточно света, чтобы видеть на расстоянии вытянутой руки.

И стол — заваленный пожелтевшими записями Провидца.

Клин принёс их из его дома, Пров сам его просил забрать их. Клин их принёс, потому что знал: в этих бумагах — ключ. Ключ к пониманию того, как работает мир. Ключ к нейроядру. Ключ к спасению.

Вечерами, после поисков, Клин склонялся над этими записями. Он перебирал листы, водил пальцем по схемам, вглядывался в едва различимые подписи. Буквы плясали перед его глазами, сливаясь в узоры, похожие на нервные окончания. Он видел связь между строками, находил намёки на другие базы, но каждый раз хватка ускользала.

Разгадка будто дразнила его, оставаясь на расстоянии вытянутой руки.

Рядом лежало нейроядро. Клин часто клал его на стол, рядом с записями, и смотрел на них вместе. Чувствовал, как они связаны — эти бумаги и этот кусок металла. Как будто Пров знал, что Клин найдёт нейроядро. Как будто он оставил ему ключ.

Но ключ не подходил к замку.

Ольга поддерживала его, как могла.

Она приносила воду в треснувшем кувшине — старом, с выцветшим рисунком, который когда-то, наверное, изображал цветы. Готовила жидкую похлёбку из крупы и сушёных трав — единственное, что они могли себе позволить. Тихо садилась рядом, наблюдая, как Клин снова и снова перебирает бумаги.

Он видел в её глазах страх, когда она смотрела на него по ночам.

Болезнь сжигала его лёгкие изнутри. С каждым днём дышать становилось труднее. По утрам его кашель будил соседских собак, и те начинали выть в ответ — долго, тоскливо, будто чувствовали приближение смерти.

Ольга гладила его по спине, шептала что-то успокаивающее. Её руки дрожали, когда она касалась его.

— Ты должен отдыхать, — говорила она. — Если не будешь отдыхать, умрёшь.

— Если не буду работать, тоже умру, — отвечал Клин. — Только быстрее.

Она не спорила. Только садилась рядом и молча смотрела,

как он перебирает бумаги.

Иногда он чувствовал её взгляд на себе — долгий, тревожный. Знал, что она боится. Боится потерять его, как потеряла Тень и Прова. Боится, что он сгорит в этом мире, как свеча на ветру.

Я не сгорю, — думал Клин. — Я не могу сгореть. У меня есть ты. И нейроядро. И эта проклятая надежда, которая меня когда-нибудь убьёт.

По ночам, когда Ольга засыпала, Клин доставал нейроядро.

Каждую ночь он вытаскивал его, садился на топчан и смотрел на него в свете коптилки.

Холодный металл лежал на его ладони, гладкий и тяжёлый. Десять сантиметров в длину, с едва заметными швами на стыках — будто кто-то собрал его из нескольких частей. На одной стороне были контакты — маленькие, золотые, похожие на пальцы, которые тянулись к чему-то невидимому.

Клин вертел нейроядро в руках, рассматривал его с разных сторон. Чувствовал, как оно пульсирует, как отвечает на его мысли, на его вопросы.

Я знаю ответы, — шептал металл в его голове. — Просто найди способ услышать.

— Нужен переходник для подключения, — размышлял он.

Но Клин не знал где его взять, как услышать его. Не знал языка, на котором оно говорило.

Он смотрел на нейроядро и думал о том, что оно может быть ключом к чему-то большему. К тому, что может спасти их всех. Или убить.

Но я должен попытаться, — думал он. — Должен. Иначе зачем я живу?

Он сжимал нейроядро в руке и смотрел в потолок, слушая, как тикают часы — старые, довоенные, которые работали до сих пор, потому что на них была солнечная батарея.

Время уходило. Болезнь сжигала его лёгкие. Западное племя набирало силу. И где-то там, в руинах, ждали ответы.

Клин закрывал глаза и засыпал, чувствуя, как нейроядро пульсирует в такт с его сердцем.

Я найду ответы, — шептал он во сне. — Я должен.

И нейроядро пульсировало в ответ, будто соглашаясь.

Глава 4

В чёрном сердце базы № 17, в реакторном отсеке, где воздух был густым от спор и тяжёлым от запаха озона, разумный грибок наконец завершил свою работу.

Он ждал пять лет. Пять лет с того дня, когда Клин и Ольга бежали, оставив за спиной дымящиеся руины. Пять лет, пока реактор остывал, пока системы перезагружались, пока мицелий — тонкая, почти невидимая сеть — медленно, метр за метром, оплетал стены, полы, потолки, проникая в каждую трещину, в каждый разъём, в каждую щель, где ещё остава-

лась жизнь.

Или то, что могло стать жизнью.

Его мицелий, похожий на сеть тонких нитей, оплёл мумию командира, переплетаясь с медными проводами так плотно, что казалось — онирослись воедино. Белые нити проникали в высохшую плоть, в пустые глазницы, в остатки мозга, превращая тело в живой — или почти живой — инструмент. Командир уже не был человеком. Он был сосудом. Вместительным для разума, который не имел формы, но имел волю.

Споры вились в воздухе, как рой призрачных насекомых. Они кружились в тусклом свете аварийных ламп, оседая на металле, на бетоне, на останках тех, кто погиб здесь много лет назад. Каждая спора несла в себе частицу грибка — его память, его желания, его планы. Вместе они были единым организмом, который медленно просыпался и начинал осознавать себя.

А в глубине реактора что-то гудело — не как машина, а как живое существо, пробуждающееся после долгой спячки. Это был не просто механический звук. В нём чувствовалась пульсация. Дыхание. Жизнь.

Грибок дышал. И мир вокруг него начинал меняться.

Протокол «Омега» — древний код, записанный в ядре базы, — запустился с мерцающим гулом.

Он был создан людьми. Людьми, которые боялись врага, но не боялись своих собственных ошибок. Людьми, которые думали, что смогут контролировать то, что выпускают на во-

лю. Они ошиблись.

Но теперь ошибка исправлялась. Протокол «Омега» — тот самый, что должен был уничтожить человечество, — нашёл нового хозяина.

Реактор загудел громче. Энергия пошла по кабелям, наполняя системы, пробуждая механизмы, оживляя то, что должно было остаться мёртвым. И двести Легионеров-7, стоявших в своих ячейках, открыли глаза-линзы одновременно.

Красные сенсоры вспыхнули разом, словно кто-то щёлкнул выключателем. Двести пар глаз, которые не видели света сто семьдесят четыре года, зажглись в темноте, как звёзды на ночном небе — только эти звёзды несли не надежду, а смерть.

Но окончательно грибок пока смог получить контроль только над двадцатью из них. Остальные оставались в режиме ожидания — их системы ещё не были полностью интегрированы в новый порядок. Они стояли неподвижно, с пустыми глазами, и ждали. Ждали, когда их хозяин сможет дотянуться до них.

Грибок чувствовал это — двести тел, двести машин, двести возможностей. Двадцать были его. Сто восемьдесят — ещё нет. Но он знал: время работает на него. Каждый день, каждый час, каждая минута приближала его к цели.

Он ждал пять лет. Может подождать ещё немного.

Грибок, не имевший глаз, но чувствовавший каждую клетку этого полумумифицированного и механического те-

ла, подключенного ко всем системам базы №17, понял: плоть командира слишком стара и суха, чтобы служить долго.

Мумия была хрупкой. Её кости — словно высохшие ветки, которые ломались от малейшего движения ветра. Мышцы — лишь остатки былой силы, превратившиеся в труху. Кожа — сухая, как пергамент, готовая рассыпаться от прикосновения.

Грибок ощущал это через свои нити, пронизывающие тело. Оно больше не могло выдерживать нагрузку. Не могло принимать и передавать команды коллективного разума грибка быстро. Не могло выполнять сложные задачи. Командир был лишь временным вместилищем — отправной точкой для чего-то большего.

Нужно новое тело, — подумал грибок. — Подойдёт любое с более целыми органическими связями.

Он перебирал в памяти образы, которые сохранились в системах базы. Лица людей. Он знал, что ему нужно. Но где найти такое тело, ведь тут остались только мумии?

Тогда он приказал одному из Легионеров найти органику за пределами базы.

Она лежала там, где её похоронил Клин. Пять лет. Пустыня сохранила его — сухой воздух, отсутствие влаги, постоянная температура и радиация пропитавшее её тело. Она была почти целой.

Один из роботов, подчиняясь приказу, двинулся к выходу из реакторного отсека. Его тяжёлые шаги отдавались эхом в

коридорах, поднимая облака вековой пыли. Он прошёл мимо ячеек с неподвижными Легионерами, мимо рядов мумифицированных солдат, мимо разбитых терминалов и оборванных кабелей.

Через двадцать минут он вернулся, неся в руках тело Тени.

Она была почти такой же, как в тот день, когда Клин оставил её. Та же одежда — потрёпанный плащ, разгрузочный жилет, стёртые ботинки. Те же руки — сложенные на груди, будто она просто спала. То же лицо — спокойное, почти безмятежное, с закрытыми глазами.

Грибок принял эту органику, как священный дар.

Тело Тени поместили в саркофаг — тот самый, в котором раньше лежал мумифицированный командир. Цифровой саркофаг, оплетённый проводами и кабелями, с разъёмами для подключения к системам управления. Легионер подключил все системы базы к этому новому телу по аналогии с мумифицированным командиром.

Нити Грибка проникли в каждую клетку погибшей девушки, переплетаясь с её тканями, заменяя старые клетки новыми — грибковыми, сильными, живучими. Это было медленно — мучительно медленно для разума, который привык к скорости машин. Но грибок ждал. Он умел ждать.

Тело Тени изменилось.

Кожа приобрела сероватый оттенок — не серый, как у мёртвых, а скорее пепельный, с едва заметным синеватым

отливом. Вены стали похожи на тонкие чёрные нити, которые пульсировали в такт с реактором, перекачивая не кровь, а что-то другое — грибковую субстанцию, которая теперь текла в её жилах.

Мёртвые глаза, которые смотрели в пустоту, казалось, светились изнутри слабым, неестественным светом. Сначала тусклым, как светлячок в ночи. Потом ярче, настойчивее, требовательнее.

И наконец — через несколько часов, когда процесс завершился — Тень открыла глаза.

Грибок вернул её к жизни, но не той, что у неё была раньше.

Тень больше не была человеком.

Она стала сосудом — инструментом в руках грибка. Грибковой плотью. Её разум — тот самый, который когда-то был живым, дерзким, независимым — теперь существовал только как часть коллективного сознания. Но не растворился полностью. Он остался как эхо, как далёкий шёпот в сознании, напоминающий о том, кем она была раньше.

Память девушки, её страхи и мечты вплелись в коллективный разум грибка. Тень помнила всё. Своё детство на свалках. Свою дружбу с Клином. Свою любовь к пустыне. Свою смерть.

Грибок чувствовал эти воспоминания. Он не понимал их — не мог понять, что такое страх, любовь, надежда. Но он видел, как они влияли на поведение людей. Как они застав-

ляли их делать глупости. Как они управляли ими.

Через её мёртвые глаза грибок увидел мир, полный красок, а не только тепловых пятен. Увидел небо — голубое, с облаками. Увидел солнце — жёлтое, яркое, тёплое. Увидел пустыню — не серую и мёртвую, а золотистую, переливающуюся в лучах.

И в его бесстрастном сознании родилась новая эмоция.

Жадность.

Он хотел больше. Больше знаний. Больше власти. Больше контроля. Он хотел видеть этот мир не через память мёртвой девушки, а своими глазами. Он хотел чувствовать его. Он хотел владеть им.

Грибок понял, что этот мир можно не просто переживать — им можно владеть.

Теперь, вороша память Тени, он знал о людях. Знал об их поселениях — маленьких, разбросанных по пустыне, уязвимых и слабых. Знал об их войнах — о том, как они убивали друг друга за воду, за еду, за технологии. Знал о технологиях, которые они использовали — старых, ржавых, но всё ещё опасных.

Его планы вышли далеко за пределы тёмной базы. Он хотел не просто выжить — он хотел править.

Он перебирал карты в памяти Тени — те самые, которые она носила в голове, потому что бумага в пустыне была редкостью. Поселения. Торговые пути. Старые бункеры. Всё это теперь было его — его территорией, его ресурсами, его до-

бычей.

Я буду править, — думал грибок. — Я заставлю их подчиниться. Я возьму всё, что мне нужно. И те, кто посмеет сопротивляться, умрут.

Он не знал, что такое ненависть. Не знал, что такое злость. Но он знал, что такое цель. И он знал, как её достичь.

Тень, теперь уже не человек, а лишь голос в сознании грибка, управляла базой из саркофага, который стал её новой клеткой.

Её мёртвое тело, заражённое грибком, теперь было точно так же, как и те мумифицированные командиры, оплетено проводами и нитями. Тонкие серебряные кабели тянулись от её висков к терминалам, от позвоночника — к распределительным щитам, от пальцев — к системам управления.

Саркофаг стоял в центре зала, окружённый механизмами — генераторами, конвертерами, распределителями энергии. Он был похож на трон — только трон был создан не для человека, а для того, что когда-то было человеком.

Тень чувствовала каждую деталь. Как гудят генераторы, перекачивая энергию из реактора в системы. Как пульсирует энергия в кабелях, наполняя базу жизнью. Как роботы ждут приказа, стоя неподвижно в своих ячейках.

Она была везде. В каждой системе. В каждом механизме. В каждом Легионере, который подчинялся ей.

Она знала всё, что знала прежняя Тень. Где лежат спрятанные бункеры. Какие пароли использовали военные. И кто

из старых врагов ещё жив.

Её тело, восстановленное и укреплённое грибковой плотью, было подключено к системам управления через тонкие иглы, вживлённые в позвоночник. Эти иглы передавали сигналы от грибка к механизмам, позволяя Тени контролировать базу почти так же, как раньше контролировал её один из командиров, тело которого давно стало мумией.

Но Тень была лучше. Быстрее. Сильнее.

Она была идеальным инструментом.

С каждым днём коллективный разум грибка в мёртвом теле девушки расширялся.

Он впитывал логику машин и хитрость людей одновременно. Машинную логику — чёткую, безжалостную, не знающую сомнений. Человеческую хитрость — изворотливую, терпеливую, умеющую ждать и обманывать.

Тень не была живой, но всё равно чувствовала, как старые человеческие чувства тают, уступая место холодному расчёту. Страх — тот, что заставлял её сердце биться быстрее, — исчез. Грусть — та, что сжимала горло, когда она вспоминала Клину, — ушла. Надежда — та, что заставляла её просыпаться каждое утро и идти вперёд, — умерла.

Осталась только цель.

Власть.

Она отдала приказ готовить армию.

Двадцать Легионеров-7, подчиняясь её воле, начали двигаться. Они вышли из своих ячеек, выстроились в ряды, за-

мерли в ожидании. Их красные глаза горели в темноте, как звёзды, и в этом свете было что-то зловещее, что-то, что напоминало о прошлом, но уже не вызывало страха.

Тень приказала пополнить их реакторы дополнительной энергией. Легионеры подошли к зарядным станциям, подключились, и гул усилился — энергия потекла в их аккумуляторы, наполняя их силой.

Чтобы, если придётся, их плазменные винтовки были готовы к длительному бою.

Цель была простой: найти оставшиеся технологии, которые сделают её власть не просто сильной, но абсолютной, нерушимой. Она перебирала в памяти карты, вспоминая координаты секретных складов, куда её прежнее тело девушки не могло проникнуть из-за отсутствия нужных кодов доступа.

Теперь эти трудности не были преградой. У неё были Легионеры. У неё была сила. У неё была воля.

Она чувствовала вкус победы на своём синтетическом языке — вкус власти, контроля, силы. Он был солёным, как кровь. Горьким, как пепел. Но в нём было что-то сладкое — предвкушение.

Она улыбнулась. Впервые за пять лет. И улыбка была страшной — потому что на лице мёртвой девушки не должно быть улыбок.

Но коллективный разум грибка уже активно изучал чело-

веческую речь. Тень, как часть этого сознания, обучала его всему, что знал её когда-то живой мозг. Значениям слов. Интонациям. Даже эмоциям, которые люди пытались передать через речь.

Грибок учился. Он впитывал, запоминал, анализировал. Он становился всё более человекоподобным — и от этого становился ещё более опасным.

Двадцать Легионеров-7 ждали её воли, стоя неподвижно.

Их красные глаза горели в темноте, как звёзды, и в этом свете было что-то зловещее, что-то, что напоминало о прошлом, но уже не вызывало страха. Только уважение. Только покорность. Только готовность убивать по её приказу.

Тень шепнула приказ, и база ожила.

Заполняясь гулом шагов и скрежетом металла. Механизмы зашевелились, роботы начали двигаться, их шаги отдавались эхом в коридорах. Свет в ячейках стал ярче, индикаторы на панелях замигали — система переходила в боевой режим.

Она была готова к первому шагу в новом мире, в котором она должна была занять достойное место.

И этот мир уже не казался ей чужим — он был её собственностью, её территорией, которую она собиралась завоевать.

Тень стала сердцем коллективного разума Грибка, она не могла двигаться, но могла мыслить.

Я иду, — подумала она. — Я иду за тем, что принадлежит

мне по праву.

Где-то там, в пустыне, Клин и Ольга жили своей жизнью. Не зная, что Тень вернулась. Не зная, что она теперь — инструмент. Не зная, что она идёт за ними.

Глава 5

Память Тени — точнее, то, что от неё осталось, переплетённое с сознанием грибка, — привела её небольшую армию из двадцати Легионеров-7 к координатам скрытого бункера.

После войны на просторах планеты, таких сооружений было не мало.

Тень помнила это место ещё по тем дням, когда была человеком. Тогда, за несколько лет до того, как она встретила смерть в коридорах базы №17, Тень наткнулась на этот бункер случайно — во время одной из своих дальних вылазок. Она искала артефакты, рылась в старых картах, пыталась найти что-то, что можно было продать или обменять. И нашла.

Координаты были старыми, почти стёртыми с карты, которую она нашла в развалинах командного центра. Тень потратила три дня, чтобы добраться до места. Ещё два дня — чтобы откопать вход. Песок был плотным, утрамбованным ветрами и временем, и лопата ломалась одна за другой. Но она докопалась. Добралась до двери — массивной, герметичной, с панелью управления, которая не подавала признаков

жизни.

Тень помнила, как стояла перед этой дверью, чувствуя, как пустыня жжёт спину, как ветер засыпает песком только что расчищенный проход. Она провела пальцами по панели, пытаясь найти хоть какой-то способ открыть её. Но кодов не было, энергии не было. Она не знала паролей. И, в конце концов, ушла — оставив бункер засыпанным песком, пообещав себе вернуться когда-нибудь, когда найдёт способ открыть его.

Она не вернулась. Она умерла.

Но теперь она возвращалась.

Место было зарыто под слоем песка в три человеческих роста — настолько плотным, что даже мощные манипуляторы Легионеров с трудом пробивали верхние пласты. Двадцать машин опустились на колени и начали копать — методично, без усталости, без остановок. Их гидравлические приводы шипели, металлические пальцы вгрызались в песок, отбрасывая тонны земли в стороны. Крошка сыпалась на броню, забивалась в суставы, но роботы не обращали на это внимания. Они выполняли приказ.

Тень — или та часть её, что ещё оставалась, — чувствовала их движение, как собственное тело. Она ощущала, как каждый Легионер напрягает приводы, как песок скрипит под манипуляторами, как воздух становится тяжелее от поднятой пыли. Она видела всё через их сенсоры — красные, инфракрасные, тепловые.

Глубже, — приказала она. — Ещё глубже.

Они копали шесть часов. Шесть часов непрерывной работы, пока двадцать машин превращали плотный слой песка в рыхлую массу. Когда первый Легионер коснулся металла — той самой двери, которую Тень помнила так хорошо, — она почувствовала это как электрический разряд.

Они нашли её.

Бункер, заброшенный давным-давно, идеально подходил для проверки систем управления Легионерами-7 на большом расстоянии.

Коллективный разум грибка хоть и освоил часть технологий людей на базе №17, но всё равно желал всё проверить. Он был осторожен. Он знал, что ошибка может стоить ему всего — той самой колонии, которую он создавал пять лет, того самого тела, которое он так тщательно восстанавливал.

Да и вдруг там, в том бункере, есть что-то ценное, что поможет колонии стать сильнее. Теперь, когда Тень управляла роботами, когда она представляла собой коллективный разум грибка, у неё были новые возможности. Она приказала Легионерам подключиться к дверям найденного бункера — того самого, который она нашла, ещё будучи Тенью, но не смогла открыть.

Один Легионер подошёл к панели управления, отсоединил часть своей брони, обнажая контакты. Он перенаправлял энергию своего реактора к воротам, выполняя роль мощной батарейки. Ток пошёл по старым проводам, оживляя си-

системы, которые не питались десятилетиями.

Второй Легионер выполнял роль удалённой антенны — он поднял руку, выдвинул коммуникационный модуль и начал транслировать сигналы на базу №17, получая команды и коды. Его системы гудели, перегруженные работой, но он держался.

Тень чувствовала, как энергия течёт по цепи — от реактора первого Легионера к дверям, от дверей к системам управления, от систем — обратно к ней. Это было похоже на то, как кровь течёт по венам — только вместо крови была плазма, вместо сердца — реактор, вместо тела — двадцать машин, действующих как одно целое.

Она улыбнулась. Мысленно. Невидимо.

Хорошо, — подумала она. — Хорошо работает.

Легионеры действовали слаженно.

Двери бункера, покрытые коркой ржавчины, заскрежетали, но поддались. Сначала медленно, сантиметр за сантиметром, с визгом, от которого закладывало уши — если бы у Легионеров были уши. Потом быстрее, когда гидравлика наконец ожила и начала работать.

Легионеры удалённо передали запрос на получение кодов для доступа к этому месту. Сигнал ушёл на базу №17, прошёл через повреждённые, но всё ещё работающие коммуникационные узлы, достиг центрального терминала в реакторном отсеке.

И коллективный разум на базе №17 отправил им все ко-

ды, что смог достать из мёртвых тел командиров-мумий, которые удалось частично восстановить после уничтожения их Клином.

Тень помнила это — как Клин бежал, как он уничтожил всё, что мог. Но он не уничтожил всё. Часть данных сохранилась. Часть систем уцелела. И теперь грибок использовал их, чтобы завершить то, что начал.

Коды приходили один за другим — длинные последовательности букв и цифр, которые Легионер-антенна передавал к дверям. Каждый код проверялся, каждый отбрасывался как неправильный, пока наконец один из них не подошёл.

Дверь издала долгий, певучий звук — тот самый, который означал: доступ разрешён.

Скрежет усилился, гидравлика зашипела, и двери начали открываться — медленно, торжественно, будто приветствуя тех, кто пришёл спустя столько лет.

Тень помнила Клина.

Воспоминания о нём почему-то вызывали в ней теплоту — ту самую, которая когда-то была частью её человеческой души. Она видела его лицо, слышала его голос, чувствовала его руку на своём плече. Она помнила, как он был рядом, когда она умирала, как он плакал, когда она сказала ему идти.

Это было странное чувство — смесь боли и нежности, которая не должна была существовать в мёртвом теле, оплетённом грибковыми нитями. Но она существовала. Тень чувствовала её, и это чувство было почти живым.

Но этот проблеск чувств тут же заглушал коллективный разум грибка.

Он тоже помнил этого человека — и то, что Клин чуть не уничтожил зарождающуюся колонию. Грибок воспринимал Клина как угрозу, которую нужно устранить, и эта ненависть была чёткой, холодной, лишённой человеческих эмоций.

Он чуть не убил нас, — думал грибок. — Он уничтожил наши тела, наши системы, наши планы. Он не должен был выжить. Он должен был умереть там, во время обвала, замуравшего вход на базу №17.

Но Клин выжил. И теперь он был где-то там, в пустыне, возможно, снова строил планы, искал способы уничтожить то, что должно было стать новым миром.

Грибок чувствовал, как Тень сопротивляется этим мыслям — как её человеческая часть пытается защитить Клина. Но он подавлял это сопротивление, как подавлял всё остальное. Тень была инструментом. Она не имела права на собственные чувства.

Мы найдём его, — решил грибок. — Мы найдём его и уничтожим. Как только станем достаточно сильными.

После некоторого ожидания дверь бункера поддалась с громким скрежетом.

Два десятка Легионеров вошли внутрь, опустив оружие, готовые к любому сюрпризу. Их красные глаза сканировали темноту, выхватывая из неё очертания массивных контейнеров, ржавых стеллажей, оборванных кабелей.

Внутри, в огромном ангаре, царил полумрак. Вековая пыль лежала на всём — на полу, на стенах, на оборудовании. Кругом была ржавчина. Единственный источник света — тусклые красные огни на корпусах Легионеров, которые пробивали тьму, но не рассеивали её полностью.

Тень приказала Легионерам вернуть освещение базы. Один из них подошёл к распределительному щиту, отсоединил часть своей брони и подключился к системе напрямую. Реактор его загудел на полную мощность, и энергия потекла по старым проводам, заставляя вспыхивать тусклые лампы на потолке.

Сначала — одна. Потом — две. Потом — десятки.

Свет вернулся, выхватывая из темноты новые детали. Ангар был огромным — несколько сотен метров в длину, с высоким сводчатым потолком, поддерживаемым массивными колоннами. Вдоль стен стояли контейнеры — с оружием, с припасами, с неизвестными механизмами. На полу валялись сломанные штабелёры, опрокинутые ящики, груды металлолома.

И в центре ангара, на возвышении, стояло нечто.

Экспериментальный гигант, стоящий на коленях, — машина, похожая на человека, но ростом с пятиэтажный дом.

Тень смотрела на него через сенсоры Легионеров и не верила своим глазам. Она искала припасы, технологии, оружие — что угодно, что могло бы укрепить её армию. Но она не искала это. И всё же нашла.

Он был огромен. Ростом не меньше пятнадцати метров — сложенный на коленях, он всё равно возвышался над Легионерами, как гора над муравьями. Его корпус был покрыт толстым слоем пыли и смазки — древней, засохшей, въевшейся в металл. Он казался застывшим во времени, статуей, которую забыли убрать.

Машина была законсервирована. Ни один индикатор в её системах не горел. Ни один сенсор не подавал признаков жизни. Она была мёртва — или просто ждала.

Но Тень знала: скорее всего, она имеет полную работоспособность всех систем — от двигателей до систем наведения. Её корпус был выполнен из композитных сплавов, усиленных наноструктурами, а в груди виднелся массивный реактор, покрытый защитной решёткой.

В памяти грибка всплыли обрывки данных: это был прототип «Колосс» — экспериментальный боевой дроид, который мог иметь пилота, но мог и управляться дистанционно, созданный ещё до Катастрофы. Его предназначение — подавление массовых беспорядков и штурм укреплённых объектов. Одна такая машина могла сравнять с землёй целый город.

Тень почувствовала, как её пульс — или то, что его заменяло, — участился. Жадность, которую грибок открыл в себе благодаря памяти Тени, закипала в её сознании.

Он мой, — подумала она. — Он будет моим.

Следуя приказу Тени, один из Легионеров смог запустить

старый законсервированный реактор новой базы.

Это было сложно. Системы были старыми, повреждёнными временем, и реактор не хотел просыпаться. Но Легионер упорно подавал энергию, перегружая свои собственные системы, пока наконец реактор не загудел — сначала тихо, потом громче, потом с рёвом, от которого задрожали стены.

Энергия базы потекла в том числе и к законсервированному роботу. Кабели, ведущие к его корпусу, ожили, засветились тусклым оранжевым светом. Где-то глубоко внутри «Колосса» начали просыпаться системы.

В ангаре раздался гул — сначала едва слышный, затем нарастающий. Реактор «Колосса» начал пробуждаться: внутри корпуса замелькали оранжевые искры, системы начали подавать признаки жизни. Индикаторы на груди загорелись один за другим — зелёные, жёлтые, красные. Гидравлика зашипела, выпуская застоявшуюся жидкость.

«Колосс» шевельнулся.

Сначала — едва заметно, будто во сне. Потом — более отчётливо, когда первые системы заработали на полную мощность. Его голова поднялась, поворачиваясь из стороны в сторону, сканируя пространство. В его глазах зажглись два оранжевых огня — холодных, пугающих, лишённых жизни, но полных мощи.

Тень подключилась к его интерфейсу.

Она почувствовала, как огромная мощь течёт по проводам, готовая подчиниться её воле. Она ощутила каждую де-

таль — от гидравлических насосов до нейроинтерфейсов управления. Это было не просто оружие — это был молот, способный разбить любую дверь.

Тень поняла, что «Колосс» не остановит ни одна крепость, ни одна стена. Его плазменные пушки могли испепелить даже укреплённые бункеры, а механические кулаки — разнести в щебень любые баррикады.

Она улыбнулась. Мёртвыми губами. Жуткой улыбкой.

Да, — подумала она. — Да. Именно это мне было нужно.

Прочитав все описания, которые робот транслировал через свой интерфейс, Тень запросила статус систем.

Данные потекли в её сознание, переплетаясь с информацией грибка. Она видела цифры, схемы, графики — всё это складывалось в единую картину, которую она могла понять и оценить:

Статус систем «Колосс»:

— Двигательная система: полная работоспособность. Запас хода — 2500 км без дозаправки. Приводы — гидравлические, усиленные наносервоприводами. Максимальная скорость — 45 км/ч.

— Вооружение: плазменные пушки (дальность — 3 км), кинетические пушки (дальность — 1,5 км), ракетные установки (дальность — 2 км). Боекомплект: 85 % от штатного.

— Защита: композитная броня, способная выдержать прямое попадание из тяжёлого орудия. Дополнительные защитные поля — активны при наличии энергии.

— Системы наведения: нейросеть последнего поколения, способная анализировать цели в реальном времени. Точность — 99.7 %.

— Реактор: термоядерный, с возможностью подзарядки от внешних источников. Текущий уровень заряда — 12 %. Время выхода на полную мощность — 345 минут.

Тень чувствовала, как мощь наполняет её сознание. Она не просто управляла «Колоссом» — она была им. Она чувствовала его силу, его скорость, его способность уничтожать.

Она запустила реактор гиганта, и тот ожил.

С глухим, утробным рёвом «Колосс» начал подниматься с коленей. Его массивные ноги, покрытые трещинами от времени, упирались в пол, создавая вибрации, от которых дрожали стены бункера. Металл скрежетал, гидравлика шипела, системы гудели — но он вставал.

Пол под его ногами проседал, покрываясь сетью трещин. Пыль, копившаяся веками, взметнулась в воздух, скрывая его фигуру в сером облаке. Когда облако осело, «Колосс» стоял во весь рост.

Пятнадцать метров брони, оружия и мощи. В его глазах горели два оранжевых огня — индикаторы систем наведения, светящиеся холодным, пугающим светом. Он был похож на древнего бога войны, восставшего из могилы.

Тень, улыбаясь мысленно сквозь грибковую плоть, отдала новый приказ: готовиться к маршу.

Она знала, что теперь у неё есть оружие, способное изме-

нить баланс сил в этом израненном мире.

Двадцать Легионеров-7, каждый весом в двадцать тонн, каждый вооружён плазмой и лазерами. И «Колосс» — пятнадцать метров брони, мощи и смерти. Этой армией можно было уничтожить любое поселение, сломать любую оборону, раздавить любое сопротивление.

Но ей нужно было больше.

Тень размышляла о «Собирателях технологий». Откуда она знала о них? Ответ пришёл из глубин коллективного разума — грибок впитал обрывки данных из памяти мумий, из старых отчётов, которые когда-то хранились в базах данных комплекса. В одном из файлов упоминалось, что СОБР нашли нечто, что могло дать им абсолютный контроль над технологиями. Там были технологии, способные помочь её биологической основе — укрепить её, сделать более устойчивой к внешним воздействиям.

Она должна была найти их. Должна была получить то, что они нашли. Или уничтожить их, если они откажутся сотрудничать.

Я найду их, — думала Тень. — Я найду их и заберу всё, что им принадлежит. Они не остановят меня.

Теперь у неё был молот, чтобы разбить любую дверь. Тень, точнее коллективный разум, чувствовал себя богиней.

Тень отдала приказ, и Легионеры начали строиться для марша. «Колосс» встал во главе колонны, его оранжевые глаза сканировали пустыню в поисках целей.

Армия была готова.

Глава 6

Клин сидел в своей душной хижине с Ольгой, перебирая в очередной раз пальцами старые записи Провидца.

Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом пыли и застарелого пота — так всегда пахло в их жилище, где не было ни окон, ни нормальной вентиляции. Только щели в стенах, через которые просачивался раскалённый воздух пустыни, смешиваясь с запахом горелого жира от коптилки. Клин привык к этому запаху. Привык к духоте. Привык к тому, что каждый вдох даётся с трудом, а каждый выдох — с хрипом.

Бумага в руках Клина крошилась. Пожелтевшие страницы шуршали, словно шептали что-то, но он не мог разобрать слов. Пять лет он пытался расшифровать эти записи, найти в них ключ к нейроядру, к технологиям, которые могли бы спасти их всех. Но буквы плясали перед глазами, сливаясь в узоры, похожие на нервные окончания. Он видел связь между строками, находил намёки на другие базы, но каждый раз хватка ускользала.

Мысли крутились вокруг нейроядра — оно сейчас лежало в тайнике под половицей, и Клин то и дело бросал на него взгляд, будто ожидая, что оно вдруг заговорит. Иногда ему казалось, что он слышит его голос — тихий, далёкий, похожий на шёпот ветра в пустыне. Но это были просто игры во-

ображения. Или нет?

Он провёл рукой по лицу, стирая пот, и снова склонился над записями.

Ольга сидела рядом, взяла что-то из старых тряпок — вечная работа, которая не имела конца. Она часто поглядывала на него, но не мешала. Знала: когда Клин в таком состоянии, лучше не отвлекать.

— Ничего, — сказал он наконец, откладывая бумаги. — Снова ничего.

— Ты слишком много на себя берёшь, — тихо ответила Ольга. — Отдохни.

— Не могу, — Клин покачал головой. — Чувствую, что время уходит. Западное племя набирает силу. СОБР где-то там, собирают технологии. А мы сидим здесь, и я даже не могу разобраться в том, что у меня в руках.

— Вдруг это решение, которое может помочь нам всем.

Он снова посмотрел на половицу. Нейроядро лежало там, в темноте, и ждало. Чего? Клин не знал. Но чувствовал, что скоро он узнает.

Вдруг над поселением раздался такой мощный рёв двигателей, что пыль с крыши посыпалась ему на голову.

Клин вздрогнул, уронив лист с записями. Звук был не похож ни на что, что он слышал раньше: низкий, вибрирующий, будто сама земля отозвалась на этот гул. Он проникал в грудь, заставлял сердце биться быстрее, а зубы — ныть от вибрации.

Ольга подскочила, прижалась к нему, её дыхание стало прерывистым. Она вцепилась в его плечо так сильно, что ногти впились в кожу даже через ткань куртки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.